

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК

125009, МОСКВА, МОХОВАЯ УЛ., 11-3
ТЕЛ.: +7(495)692-10-51/629-45-07
E-MAIL: europe@ieras.ru
WWW.INSTITUTEOFEUROPE.RU

INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

125009, MOSCOW, MOKHOVAYA STR., 11-3
TEL.: +7(495)692-10-51/629-45-07
E-MAIL: europe-ins@mail.ru
WWW.INSTITUTEOFEUROPE.RU

Аналитическая записка №28, 2018 (№124)

Политический ландшафт Европы. Грозит ли ЕС геополитическое одиночество?

Алексей Громыко

член-корреспондент РАН, директор ИЕ РАН

Аннотация. *События последних месяцев подтверждают мнение о нарастании фрагментации «коллективного Запада», об углублении противоречий как между США и их союзниками, так и между отдельными группами европейских стран. В лице Д. Трампа Вашингтон фактически перешёл к принципу «транзакционных» отношений со своими западными партнёрами. Очередным свидетельством этого стали результаты канадского саммита «большой семёрки». Одним из факторов деконструкции Запада стали подходы к взаимодействию с Россией. Другим – развитие политических процессов, связанных с «новым популизмом». С учётом происходящих в мире изменений и усиления неопределённостей, нарастает важность усилий России по консолидации евразийских интеграционных проектов.*

Ключевые слова: *деконструкция Запада, новый популизм, транзакционные отношения, Россия, США, Евросоюз, НАТО.*

Восприятие главных угроз благополучию мирового развития меняется не менее быстро, чем сами события. На Западе тон в конструировании этого восприятия по-прежнему задают властные круги в Соединённых Штатах, хотя единство евроатлантического региона шаг за шагом размывается. Очередным наглядным примером стал саммит «большой семёрки» 8-9 июня в Квебеке, который закончился фиаско – отзывом Д. Трампом своей подписи под итоговым коммюнике. Отказ сопровождался жёсткой критикой в адрес Джастина Трюдо, премьер-министра Канады,

которого Трамп обвинил во лжи и фактическом срыве достигнутых в Ла Мальбе договорённостей¹.

Деконструкция Запада

Либеральная часть европейского политического истеблишмента ещё сохраняет надежду на то, что нынешнее поведение США – явление временное, а не долговременный тренд. Для лагеря ортодоксальных атлантистов, голос которых слышен громче всего в странах Прибалтики, Польше, Румынии, Швеции, Нидерландах углубляющиеся противоречия между двумя берегами Атлантики наиболее болезненные. По мере выхода Британии из ЕС американский крен в политике ряда из них усиливается.

Для европейских прагматиков в лице Германии, Франции, Испании, Бельгии накапливающиеся противоречия с Вашингтоном служат сигналом к более самостоятельным действиям и к превращению ЕС в автономного игрока на международной арене. Берлин и Париж при поддержке Рима проводят чрезвычайно активную политику по развитию военно-политических инструментов ЕС и укреплению объединённого потенциала национальных ВПК.

Силу набирает третья категория стран-членов ЕС, которая включает Италию, Венгрию, Грецию, Словакию, частично Болгарию и Чехию, – страны с сильными популистскими и евроскептическими настроениями. В своей речи в парламенте 9 мая после вступления в четвёртый раз в должность премьер-министра Венгрии В. Орбан в очередной раз заявил, что эпоха либеральной демократии подошла к концу, и призвал заменить её христианской демократией XXI века². Противостояние с идеологическими противниками складывается в его пользу. Символом этого стало вынужденное решение спонсируемого Дж. Соросом Центрально-европейского университета переехать из Будапешта в Вену. Если раньше в либеральной прессе Orbana рутинно изображали политическим отщепенцем и изгоем, то теперь общий фон событий в Европе показывает – его пример, как и многие другие, свидетельствуют о глубоких изменениях в мышлении европейцев, которые в свою очередь отражают масштабные социально-экономические перемены. В результате происходят масштабные деформации партийно-политических систем.

В рассуждениях о либеральном порядке и популизме особняком стоит Британия, в которой доморощенный евроскептицизм зашёл намного дальше, чем в Венгрии, Греции или Италии. Он не только привёл к власти популистов-евроскептиков, но и устроил политическое землетрясение в виде брекзита. Однако политическая элита страны, которая допустила и во многом потворствовала этому событию, продолжает позиционировать себя в качестве надёжной опоры либерального международного порядка. Чтобы совместить эти во многом исключаящие друг друга установки – выход

¹ Имеются в виду заявления Трюдо на пресс-конференции, которая проводилась после отъезда Трампа, о несправедливости американских тарифов на сталь и алюминий.

² ИТАР-ТАСС. Эпоха либеральной демократии подошла к концу – премьер Венгрии. 10 мая 2018 г.

из ЕС и лидерские позиции в евроатлантике, британские власти идут на самые невероятные авантюры, включая «дело Скрипалей». Несмотря на все различия, природа популизма в Британии во многом та же, что в США, Италии, Франции или Германии – затяжная стагнация в росте доходов среднего класса, увеличение социального неравенства. Так, по данным Британского конгресса тред-юнионов, после кризиса 2008 г. в среднем реальная заработная плата рабочего остаётся ниже, чем 10 лет назад, и не вернётся к докризисному уровню до 2025 г.³

Современный популизм – это своего рода «магистральный», новый популизм, который является не столько ругательным термином, обозначающим маргинальные политические силы, сколько лозунгом на знамёнах тех, кто не только реально претендует, но уже получил власть. Так, Джузеппе Конте, новый премьер-министр Италии, возглавляет первое в истории страны полностью популистское правительство в составе представителей Движения пяти звёзд и Лиги. Уникальность кабинета и в том, что в нём сомкнулись левый и правый популизм, генезис которых очень различен, но подходы к решению ряда проблем схожи. Как когда-то в западной исторической и политологической литературе реабилитировали понятие «империя»⁴, не говоря уже о политической риторике («милосердная империя» – в отношении США), так и теперь происходит реабилитация понятия «популизм». Именно об этом заявил Дж. Конте, выступая 5 июня в Сенате парламента Италии, указав на то, что новое правительство согласно называться популистским, если это означает прислушиваться к мнению граждан.

Действительно, популизм в традиционном представлении – удел малых партий и следовательно – небольших и оппозиционно настроенных групп населения. Однако на выборах 4 марта за «Пять звёзд» и Лигу проголосовали почти 50% граждан, пришедших на избирательные участки, что в пересчёте на депутатские мандаты означает солидное большинство. Получается, что феномен популизма превращается в ряде европейских государств в выражение мнения основной части населения, и, следовательно, популистскими, в обычном значении этого слова, становятся бывшие партии «мейнстрима».

Кроме того, популизм в традиционном понимании – явление вредное, прокладывающее дорогу демагогам. Напротив, многие современные популистские движения больше способствуют урегулированию кризисных явлений в ЕС, чем общепризнанные партии. Так, установки на прагматизм в решении проблем нелегальной и неконтролируемой иммиграции или улучшения отношений с Россией представляются более ответственными и перспективными для стабилизации ситуации в Европе, нежели позиции по этим вопросам традиционных центристских сил. Поэтому малоубедительны аргументы тех, кто обвиняет Россию в сотрудничестве с новыми европейскими популистами, потому что де оно направлено на раскол ЕС. Происходит обратное: Россия находится в самых плохих отношениях с теми, кто больше всего способствует подрыву европейской интеграции, – с британскими консерваторами.

³ ИТАР-ТАСС. В Лондоне несколько десятков тысяч человек вышли на митинг в поддержку прав трудящихся. 12 мая 2018 г.

⁴ Например, см. Niall Ferguson. Empire: How Britain Made the Modern World. Penguin, 2003.

Новый популизм часто сравнивают с межвоенным популизмом в XX веке, который привёл ко Второй мировой войне. Конечно, в Европе есть ультраправые партии, ряд из них близок к неонацистской идеологии. Но речь не о них; эти явления продолжают сохранять свой маргинальный характер. На политическую арену выходят те, для кого национализм, а точнее – национальное самосознание, – не орудие достижения гегемонистских целей в Европе, а напротив сопротивление им. Также новые популисты в своём большинстве выступают против применения военной силы за рубежом и «гуманитарных интервенций», тогда как многие защитники «либерального международного порядка» инициируют или присоединяются к силовым акциям против других стран. Они же, а не новые популисты, спровоцировали своей необдуманной миграционной политикой (или её отсутствием) усиление ксенофобских и расистских настроений в Европе.

Популизм – феномен нейтральный в том смысле, что направить недовольство масс можно в разные русла. Популизм сам по себе – не плохой и не хороший; это ресурс, который можно использовать для реализации прогрессивных или деструктивных политических идей. Популизм британских евроскептиков имеет разрушительные последствия для европейского интеграционного проекта, как и для международного положения самой Британии. Популизм же «Пяти звёзд», Лиги или В. Орбана также является реакцией на разные дисфункции как в национальном развитии, так и на уровне всего Евросоюза, но не заходит так далеко, как британские евроскептики. Недовольство избирателей, которое стало залогом электорального успеха этих и других политических сил, может в конечном счёте сослужить ЕС добрую службу, заставляя засидевшиеся у власти политические круги либо уступить место другим, либо видоизмениться.

Представляется, что успех или провал в этой самоперестройке Западной Европы будет определяться прежде всего в двух сферах: во-первых, ходом дел в реализации Глобальной стратегии ЕС, в частности – в обретении стратегической автономии от Вашингтона, и, во-вторых, в области нормализации отношений с Россией и возвращении к «большой идее» стратегического партнёрства Запада и Востока Европы «от Атлантики до Тихого океана».

Свою роль в сохранении и укреплении в новых условиях системы сдержек и противовесов в Европе и в целом в мире играет ещё одна группа стран, члены которой в разной степени придерживаются политики нейтралитета: Финляндия, Швеция, Австрия, Швейцария. В разные периоды истории они вносили большой вклад в деэскалацию различных конфликтов. Продемонстрировал это и июньский визит В.В. Путина в Вену, во время которого было подписано беспрецедентное соглашение о поставках российского газа до 2040 года, прозвучали заявления федерального канцлера С. Курца и президента Австрии А. Ван дер Беллена, идущие вразрез с официальной политикой Вашингтона и его адептов в Европе в отношении России. Однако «слабым звеном» в европейском нейтралитете становятся Хельсинки и особенно Стокгольм. Неслучайны постоянные усилия США по втягиванию их в ряды НАТО, если не де юре, то де факто. Очередным шагом в этом направлении стало подписание 8 мая в Вашингтоне трёхсторонней декларации о расширении военного сотрудничества между

США, Швецией и Финляндией. До этого, в 2016 г., обе североевропейские страны уже заключили двусторонние аналогичные соглашения с Соединёнными Штатами.

Размывание евроатлантической солидарности заставляет государства ЕС и его наднациональные структуры пересматривать свои стратегические приоритеты, готовить запасные варианты действий. Выражением этого стало очередное заявление в пользу нормализации отношений с Россией, сделанное 31 мая Жан-Клодом Юнкером на конференции «Перезапустить Европу сейчас!», которая стала финальным мероприятием крупного проекта с участием ряда ведущих аналитических центров ЕС⁵. Возрастание геополитического одиночества ЕС подталкивает столицы его государств-членов и Брюссель к переосмыслению взглядов на императив продвижения к общеевропейской системе безопасности.

Транзакционные отношения

Надежда ортодоксальных атлантистов на сохранение «либерального международного порядка» во главе с США становится всё прозрачней. Трудно привести более убедительное доказательство его постепенной дезинтеграции, чем признание из уст того, кто во многом олицетворяет Европейский союз и называет себя «европейцем, неизлечимо настроенным проамерикански и фанатично преданным трансатлантической кооперации» – Д. Туска, председателя Европейского совета⁶. В преддверии встречи «семёрки» в Канаде он задался вопросом: новая политика Белого дома является «сезонным колебанием» или симптомом распада западного политического сообщества?⁷ Незадолго до этого, перед саммитом ЕС – Западные Балканы в середине мая, Туск заявил, что ЕС должен сказать спасибо президенту Трампу, «ведь благодаря ему мы избавились от всех иллюзий»⁸. А ведь Туск – поляк. Таким настроениям вторит ведущий новостной канал ЕС «Евроньюс», который назвал канадский саммит «большой семёрки» символом раскола Западного мира⁹. В оборот вошёл новый термин – «большая шестёрка плюс 1», отражающий дальнейшую эрозию влияния этой организации вслед за сокращением её членства после исключения России.

Отношения между США и их союзниками в Европе всё больше напоминают тип взаимодействия, которым до сих пор на Западе характеризовали отношения с Россией после 2014 г., – «транзакционный», понятие из мира финансов, обозначающее конкретную сделку. Другими словами – точечное взаимодействие по вопросам, в которых Запад заинтересован в России, например, урегулирование сирийского и украинского кризисов, сохранение ядерной сделки с Ираном, борьба с международным терроризмом. Такой тип взаимоотношений был официально закреплён в «пяти принципах по развитию отношений с Россией», одобренных на заседании министров

⁵ www.newpactforeurope.eu/events/launch3rd/launchevent_bxl.php

⁶ Европейский совет – высший политический орган Евросоюза; состоит из глав государств и правительства стран-членов ЕС.

⁷ Donald Tusk. Despite Trump, the West Must Stay United / New York Times, 6 June, 2018.

⁸ ИТАР-ТАСС. Пульс планеты. Европа. ЕС должен быть готов к негативным последствиям выхода США из сделки с Ираном – Туск. 16 мая 2018 г.

⁹ <http://ru.euronews.com/2018/06/11/g7-end-multilateralism>

иностранных дел стран-членов ЕС в марте 2016 г. Теперь же де факто транзакционным становится сотрудничество лидера западного мира с другими его представителями.

Мышление Д. Трампа – это стратегия бизнес-менеджера, которого в первую очередь интересуют вопросы прибыльности предприятия. Причём речь идёт о прибыльности в контексте принципов «экономики акционеров», а не «экономики стейкхолдеров», т.е. об интересах узкого круга людей, заинтересованных в сиюминутной выгоде. Акционеры для Трампа-президента – это его электорат, а интересы остальных участников западного сообщества, включая европейцев, отходят на второй план. Им предлагается своего рода бизнес-модель отношений, в рамках которой их мнение учитывается ровно настолько, насколько совпадает с представлением Белого дома о национальных интересах США. А они, в свою очередь, понимаются в узком экономико-центричном смысле. В политическом лексиконе ЕС такая модель поведения называется национальным эгоизмом.

Политический ландшафт Европы меняется на наших глазах. Перипетии брекзита, выход США из ядерной сделки с Ираном, фиаско саммита «большой семёрки» в Квебеке, раскручивание торговой войны между США и ЕС, формирование популистского правительства в Италии, каталонский и шотландский сепаратизмы, раскол в ЕС по вопросам регулирования иммиграции, продвижение строительства «Северного потока 2» – это симптомы идущей трансформации внутренней структуры коллективного Запада. В целом происходящие события подтверждают тезис о формировании полицентричной модели международных отношений. Они свидетельствуют и об усилении в ЕС понимания необходимости продвигать идею стратегической автономии. Расширяются возможности внешней политики России по маневрированию на западном и европейском направлениях. Необходимо с особым вниманием отслеживать процессы строительства Оборонного союза ЕС (PESCO), его соотношение с эволюцией НАТО, особенно на восточном фланге.

Помимо этого, для России крайне важное значение имеет состояние дел в сфере интеграционных проектов на постсоветском пространстве, в первую очередь Союзное государство России и Беларуси и Евразийский экономический союз. Требуется наращивание экспертной аналитики и совместных проектов на белорусском, казахстанском и армянском треках.

***Annotation.** Recent international events confirm the opinion about growing fragmentation of «collective West», including deepening contradictions between USA and their allies and increasing divergence of policies among European countries. In fact, Washington under Donald Trump has introduced the principle of transactional relations in dealing with its partners. The summit of G7 in Canada has become one more manifestation of this trend. One of the factors in the deconstruction of the West is the approaches towards cooperation with Russia. Another one is the evolving political*

processes connected with «new populism». In view of changes on the international arena and growing uncertainties, the significance for Russia of the task to consolidate Eurasian integration projects is paramount.

Key words: *deconstruction of the West, new populism, transactional relations, Russia, USA, EU, NATO.*

Дата выпуска: 24 июня 2018 года.

Материал доступен для скачивания по адресу: www.instituteofeurope.ru/publications/analytics